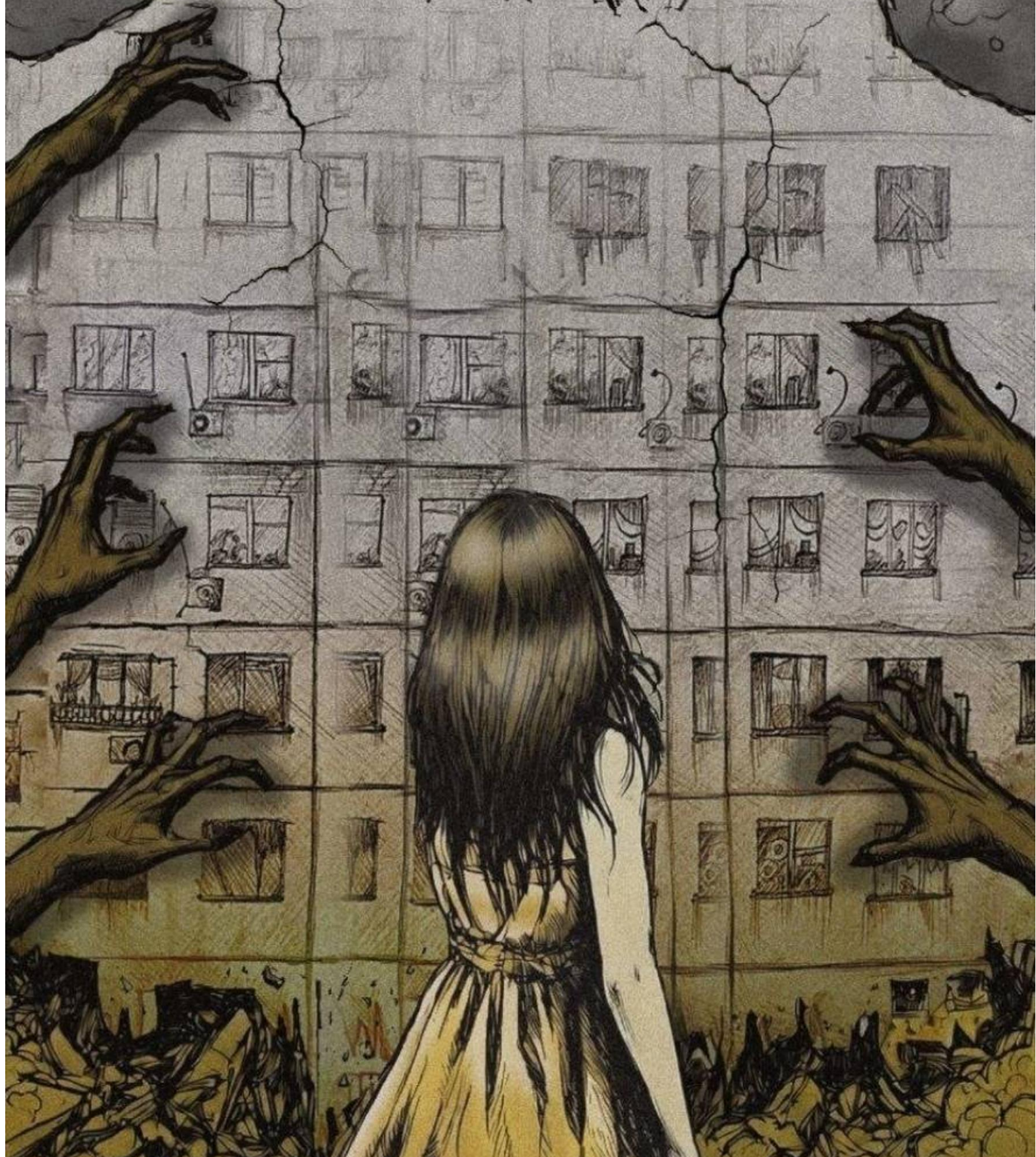


1095 ДНЕЙ ЗИМЫ



Влад Козлов
1095 дней зимы

«Автор»

2026

Козлов В.

1095 дней зимы / В. Козлов — «Автор», 2026

Елизар привык жить мечтами. Каждый день он наблюдает за Кирой — девушкой, которая давно стала центром его мира. Он придумывает для неё истории, пишет письма, собирает воспоминания и годами откладывает самый важный разговор. Но однажды привычная реальность начинает давать трещины. Странные совпадения, необъяснимый холод, потерянные воспоминания и загадки прошлого заставляют Елизара усомниться во всём, что он знал о себе и окружающем мире. Чем дальше он пытается разобраться в происходящем, тем отчётливее понимает: некоторые вопросы лучше не задавать, а некоторые ответы способны изменить целую жизнь. «1095 дней зимы» — атмосферный роман о любви, памяти, одиночестве и поиске себя, где за обычными студенческими буднями скрывается история, полная тайн, боли и надежды.

© Козлов В., 2026

© Автор, 2026

Влад Козлов

1095 дней зимы

ЕЛЬ

0

Красивая... Ты очень красивая. Большого сказать тебе при встрече не смогу – просто не хватит словарного запаса, но знай, что я смею мечтать о нас. Ты недосягаема для меня, недоступна. Даже прикоснуться к тебе для меня – великое счастье и самая заветная мечта. Я мечтаю сорвать все цветы мира и застелить ими твою дорогу. Чтобы куда бы ни наступила твоя ножка – под ней все время мягко хрустели свежие тюльпаны.

В моих дурацких, бредовых детских снах я как одержимый целую каждую твою веснушку. Отполированный бриллиант твоего взгляда смотрит внутрь меня, а я вновь не могу найти слов, рядом с тобой их будто не существует. Хочу ли я быть с тобой? Не уверен, ведь тогда разрушится магия моей любви. Я смогу трогать тебя каждый день, похотливым и жадным взглядом смотреть на тебя. Пропадёт волшебная робость, и превратит мой мир в обычный быт, в котором я утром варю тебе душистый кофе. Кажется, что тогда я, наконец-то, буду счастлив, но увы. Обладание тобой сделает меня всесильным, а я боюсь себя. Обладание мной сделает и тебя счастливой, а я боюсь твоей улыбки, ведь пред ней несомненно сдамся. Когда уголки твоих прекрасных губ расплываются в улыбке, я теряю самообладание, и как твой верный рыцарь готов срочно отправиться на поиск дракона, чтобы хоть как то доказать тебе состоятельность своих чувств. Чтобы заслужить ещё один шанс посмотреть на твою улыбку.

И что мне делать дальше? Я хочу её любить, взаимно, мне ничего больше не нужно. Я даже могу не трогать её, просто смотреть издалека за тем, как моя любовь плавает на своих тоненьких туфельках по капризным улицам. Мне ничего не нужно от неё, кроме души. Только всего лишь раз встретить меня влюблёнными глазами и скажи мне, что у нас будет всё хорошо.

Пусть и у каждого по отдельности.

А в моём сне ты, как и каждый мой день рождения, едва продрав свои сонные глазки желаешь мне хорошего дня. Ты говоришь мне, что хочешь видеть меня в хорошем настроении, и сама мне его даришь. Говоришь, что меня невозможно не ценить и не любить. Лжешь, что любишь. Даже во сне.

А сейчас у нас нет ничего, кроме друг друга. Ни прошлого, ни будущего. Есть только ты – моя героиня, и я – твой наблюдатель. Магия наших будней. Наше собственное небо, наши собственные сны.

1

Запах старой станции метрополитена пропитан пылью, которая смешивается с остальными запахами, в зависимости от времени дня. Утром – это запах тысячи духов. Вечером – запах пота и фастфуда. Ночью – запах алкоголя и бытовой беспомощности. Если ты едешь на метро довольно долго, то уже выходя из дома можешь примерно определить, что ждет тебя под землёй.

Двери вагона захлопнулись, раздражая мои уши и заглушая размышления противным скрипом и грохотом груды старого металла. Поезд тронулся, и поехал дальше, оставляя после себя мысль о возможно забытых вещах на поцарапанном сиденье. Раздражает. Привычным движением проверяю карманы – вроде все взял, начинаю красться в сторону выхода в город. Сильные потоки подозрительно, но уже привычно холодного ветра дуют в спину, хотя, казалось бы, станция открытая. Будто высшие силы меня толкают в спину, мол: «Давай, что же ты медлишь? Сейчас или никогда!».

Сегодня я заговорю с ней. Сегодня она увидит во мне не просто удобную подушечку, которую можно если что подложить под ноги, или заткнуть ей слёзные железы, а настоящего человека, сотканного не из ниток, а собранного по крупицам собственной легенды. Да, пусть я во многих вопросах недотягиваю до того самого воображаемого всеми образа защитника и опоры, но лишь внешне. Внутри каждый мой нерв заострён, мысли ясны, а сам я готов на всё, лишь бы до самого конца быть честным. Грубый, но настоящий. Я не стал обложкой журнала, никогда особо не следил за внешностью и социальным статусом. Вся жизнь, по сути, я только и делал, что пытался сохранить существование моим мечтам, защищая от внешних раздражителей внутреннее дитя.

Я верил в высшие силы, точнее мечтал о защитнике. Ведь не смотря на мой вид – я боюсь, боюсь часто, боюсь всего и всех вокруг. Каждый из моего окружения думает, что я просто вредный парень, хотя на самом деле я просто боюсь всего нового, и будь моя воля – всю жизнь провёл бы в одиночестве, думая о недостижимом и недостижимой. Лежал бы дома, на удобной кровати, смотрел в потолок, и представлял, что на самом деле я не просто так бездельничаю, а жду чего-то невероятного! Что-то такое, что в корне изменит мою жизнь, и будущее наконец наступит. А как будущее придет в мою жизнь, оно обязательно подарит мне великий дар – жить настоящим!

Но все развивалось всегда об утро. Хочешь проснуться завтра, а за окном опять сегодня. И ты всё тот же мальчишка, что засыпал, ожидая чуда. Как будто ты проснёшься, побежишь скорее по ёлочку, а там уже Дедушка мороз принёс тебе в подарок характер и стержень, вместе с бесконечной музыкой и признанием.

Я фантазёр по своей натуре, и жить в вымышленном пространстве мне нравится гораздо больше, чем в реальном мире. Здесь, в настоящем мире – все опасно. Каждый человек, в теории, может иметь нож за пазухой и ударить меня, если я не так на него посмотрю. Или, что хуже – ударить её, и я лишусь смысла своего существования. Если главная героиня моих сладких снов уйдет таким глупым способом, неужели я смогу жить дальше? Какого это, жить и знать, что она не реальна? Что мы так и не встретимся с ней никогда за пределами грёз?

Мужчина, получивший отказ, способен на многое, а таких у неё сотни. Вдруг один из них уничтожит что-то ценное, чтобы сделать ей больно в ответ? Я хочу её защитить. Поэтому я выбрал для себя стать её тенью. В моём, вымышленном мире у нас с ней все хорошо, у нас есть будущее. И что бы я не сделал – все получается. Мысли о ней придают мне сил просыпаться рано утром и ехать на эту чёртову станцию. Она была бы тысячу раз проклята мной, если бы не ангел в черной курточке, ради которого примчаться на край города – это даже не пустяк, это просто время без неё. Лишь бы моя муза вновь одарила меня своим видом, зарядив меня новой, ошеломляющих размеров порцией власти над собственным внутренним миром.

Ветер воет в ушах, нашептывая какую-то брань, и засыпает мне дорожной пылью глаза. А всё для того, чтобы я не смог сегодня её увидеть. Весь мир против меня, а я всё равно иду вперед. Как дурак. Даже самому смешно, и как я стал таким? Если бы я был писателем, то придумал бы, что дрался с этим ветром ради неё! Но увы, ветер был вполне приятный, чихнул мне в лицо песком, да пошел дальше по своим делам.

Резкий тормоз поезда, падающие люди, тихая ругань пассажиров на машиниста. Но такая, ругань с толикой уважения к профессии. Опять скрежет дверей, первый шаг на земли моей королевы. Давно захваченные, как только она поступила в институт, стала здесь жить, и объявила себя негласным правителем этих земель. Тут есть замок-общага, с башнями-корпусами. Советский модернизм, и драконы такие же – охранники той же эпохи, с запахом очереди. Вокруг замка – царские сады посредственной красоты. Сверкать они могут лишь в отражении её глаз – это их дар и проклятие. А близ садов и корпусов все весьма примитивно – лавки, заборы, да задумчивые лица студентов, мыслящих лишь о том, когда им повеситься: до, или

всё же после обеда? Но, как и всегда, её светлость гениальность отговаривает их, они берут головы под мышку и шуруют вперед, к более туманному, чем светлому будущему.

Моя же, личная-заветная лавка расположена в двухстах метрах от станции метрополитена. Невзрачная и старенькая, прямо как весь район. Она, как и обычно в «рабочее» время, пустовала. Интересно, как много дурных и не очень задниц она повидала? Загадка, вне сомнения. Только ей это и известно. Но сейчас на неё сядет одна из самых дурацких задниц в мире – моя. Задница безответно влюблённого инфантильного идиота, пытающегося думать, что он романтик, а не жалкий сталкер.

Итак, станция «сигарета» отстыковалась от станции «пачка», произведя последующую стыковку с «потрёпанными временем кривыми зубами». Приземление тупорылой задницы на лавку прошло успешно.

Лавка располагалась совсем неподалёку от её корпуса, и я с упоением наблюдал туда-сюда снующих студентов, пытающихся не потеряться во времени и пространстве. У некоторых во взгляде считывалась прошедшая ночь.

Интересно, что у каждого из них в сумке? Стандартный набор, плюс-минус на фетиши. Скорее всего это телефон, ключи, пропуск, и далее в зависимости от пола и предпочтений. У кого-то сигареты, зажигалки, а у кого-то косметика или контрацептивы. Кто постарше – у них успокоительные, а кто помладше – фиджет-игрушки, антистрессы, и возможно даже тетради.

Начинаю задумываться, что когда ты умер, ты об этом не знаешь, только другим тяжело. То же самое, когда ты тупой. Благо я просто глупый. Признаюсь, сложно смотреть на беззаботные лица ровесников, резко вылетающих из дверей общежития, с недостижимой величины собственной глупости.

В такие моменты всегда кажется, будто все хорошо. В любой момент жизни, кроме настоящего, кажется, я думаю о том, что всё плохо, но страшней всего, что всё идет по плану. Так и должно быть – плохо! Но ведь когда-то я думал, что такое стечение обстоятельств сделает меня счастливым, но как бы не так. Каждый раз я находил повод для тревог. Сейчас же я встревожен, но счастливо-встревожен. Волнуюсь так сильно, будто сейчас будет драка, в которой я непременно проиграю, рассыпав по асфальту свои бестолково кривые зубы и непонятно кем разбитое вдребезги сердце. Однако вокруг никого, и бояться нечего, отвлекает разве что назойливая тишина вторничного утра. Все, кто вчера пил алкоголь, курил траву, занимался сексом или проигрывал в автоматы остатки заработной платы уже спали, а те, кто бегают по утрам за свежей порцией дофамина ещё не проснулись. Смотрят свои здоровые сны, находясь в своём здоровом теле. Проживут чуть дольше, молодцы, несомненно.

Двери проходной распахнулись, и вот она! Наконец-то!

Мир озарился светом её такого милого заспанного личика. Такое чудесное, такое милое... Словами не передать. Казалось бы, её тело было создано лучшим скульптором. И создавалось оно явно не один десяток лет, а может и сотни. Каждая деталь выверена до сотой доли миллиметра. Каждая ямочка, каждая родинка или веснушка идеально подходила к остальным чертам. Её красота – нетленное искусство, которое проживёт столетия. Её красота – то, что делает мир ярче. Её красота – конечная точка в погоне за совершенством.

Я приезжал сюда будто на аттракцион, где получал несравнимые ни с чем эмоции. Будто холодным душем обдавала серость её глаз, даря природе себя. Нырля в океан домов, разбрызгивая вокруг себя лучики тепла и света. Город наполнялся звёздами ранним утром, а солнце светило на небе даже ночью, и всё это чудо – в отражении её переполненных счастьем глаз. Она сделала шаг, потом другой, и всё это... с улыбкой. Но не такой, как обычно, намного ярче. Кажется, что-то случилось утром. Что-то такое, чего я еще не знаю. Скорее всего ей что-то приснилось. Опять она украли самый лучший из снов. Но давайте будем честны – она достойна видеть только лучшие сновидения. Иначе зачем они вообще существуют?

Как же мне не нравится упускать из виду хотя бы частичку её жизни. Да – я ей, по сути, и никто вовсе. Меня то другом трудно назвать, представить стыдно – поговорить с ней толком не могу. В диалоге с ней чувствую, будто в моих словах недостаточно искренности. Но все равно, мне очень нравится наблюдать за ней. Я люблю жить её жизнью, а точнее представлять, что в ней есть я. Я почти уверен в том, что будь я в действительности её любимым мужчиной, то весь флёр развеялся бы, а романтика разбилась бы вдребезги о быт.

Но, несмотря на это, всё равно мечтаю о том, что было бы славно провести с ней хотя-бы одну жизнь. В моей прокуренной черепной коробке мы танцуем каждый вечер, её объятия и в тысячный раз дарят мне такое же тепло, как и в первый, и она смеётся над моими шутками, смешно прикрывая лицо ладошкой. Смеётся так громко, что её нежные локоны пляшут в воздухе, превращая искристый смех в настоящие звезды.

А сейчас она идёт по аллее, абсолютно одна. То ли потому, что кроме неё я никого не замечаю, то ли потому, что ещё слишком рано для того, чтобы все проныры из её корпуса выбежали на улицу и разлетелись по своим пронырливым делишкам. Каждый её шаг отстукивает ритм моего сердца, полного кипящей крови, и воображение рисует, будто на местах следов её аккуратных ботиночек вот-вот начнут расти ромашки, раздирая асфальт в локуты.

Кира летела по воздуху, рассекая своим носиком порывы летнего ветра. Какое все-таки интересное имя, Кира... незаслуженно забытое? Что-то в этом есть. Будто в четырёх этих волшебных буквах угадывается целый мир, в котором непременно хочется остаться навсегда, сидя на утёсе её вечности и распадаясь на части от грозы. Да, пожалуй, запишу это в свой специальный блокнот, в который я пишу фразы для нашей встречи. Ей забавно будет услышать это. Быть может я смогу раскрасить неожиданными красками ещё один её день.

Смешно даже... Когда-то давно я даже решался коснуться своим плечом её плеча. Мы с ней были самыми живыми, рисовали и играли вместе, когда были детьми. Много болтали о пустяках, перематывая часы как ленту кассеты карандашом. А теперь между нами будто... время. Каждый раз она лучше на пару минут. Кажется, что я только и могу, что ходить за ней по пятам, боясь приблизиться хотя бы на метр ближе болевого порога. В таком случае только и остаётся, что собирать обрывки повседневности в свой блокнот, ставя после каждого предложения точку, или язвительную рожицу. Да, иногда я представляю себе, как она отреагирует на ту или иную мою шутку, записываю её и в конце рисую смайлик её лица. Как хотелось бы, чтобы улыбок в блокноте стало чуть больше.

Она свернула за поворот и пошла в сторону, в которой находилась моя «база». В груди закололо. Мои руки невольно схватили ворот рубашки и подняли его. Голова вжалась в плечи, боясь обжечься. Я представил, что я в дешевом детективе и вжался в лавку, укрывшись воротом, будто одеялом. Кира меня не заметила, опять. Зашагала своей цепкой походкой в сторону станции метро. Шаг... и еще один и вот, дверь схватила её в своё подземелье стальных драконов, оставив после неё лишь звенящую тишину столь без неё дурацкого вторичного утра. Было ощущение, будто солнце скрылось за облаками, кто-то на небесах убавил яркость и стало холоднее.

– Опять не заговорил с ней! Чёрт! – начал ругаться на себя я, и встрепенувшись тут же засеменял в сторону станции, боясь потерять милые моему взгляду черты. Чуть было не споткнувшись, я с большим усилием толкнул тяжелую дверь станции и зашел внутрь. В вагон, вместе с Кирой набилось много, кажется из ниоткуда взявшегося народу. Дверь захлопнулась за моей спиной, едва не прищемив мою сумку. Сделав шаг внутрь вагона я облокотился на поручень и поднял взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.